

Седельников Валерий Георгиевич, Седельников Михаил Валерьевич

К 100-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. В РОССИИ: ПРИЧИНЫ ПАДЕНИЯ ЦАРСКОГО РЕЖИМА

С приближением 100-летнего юбилея события революции 1917 г. закономерно продолжают привлекать внимание исследователей. 23 февраля 1917 г. начались антиправительственные выступления рабочих в г. Петрограде, а через 4 дня, 27 февраля 1917 г., романовская монархия, отражавшая любые удары в течение 300 лет, неожиданно рухнула. Причина этого феномена - переход на сторону противников царского режима крестьянства в лице его вооруженного авангарда - 5,5-миллионной российской армии. Объяснению взаимосвязи событий, которые стали прологом революции 1917 г., посвящена настоящая статья.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/2/43.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 2 (64). С. 174-179. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 101.1:316

Философские науки

С приближением 100-летнего юбилея события революции 1917 г. закономерно продолжают привлекать внимание исследователей. 23 февраля 1917 г. начались антиправительственные выступления рабочих в г. Петрограде, а через 4 дня, 27 февраля 1917 г., романовская монархия, отражавшая любые удары в течение 300 лет, неожиданно рухнула. Причина этого феномена – переход на сторону противников царского режима крестьянства в лице его вооруженного авангарда – 5,5-миллионной российской армии. Объяснению взаимосвязи событий, которые стали прологом революции 1917 г., посвящена настоящая статья.

Ключевые слова и фразы: крушение царского режима; денежно-финансовая система; покупательная способность рубля; продовольственная политика; принудительное изъятие хлеба; антиправительственные выступления рабочих; «крестьянская лавина»; Петроградский гарнизон; российская армия.

Седелников Валерий Георгиевич, к.и.н., доцент

Седелников Михаил Валерьевич, к. филос. н.

Российский государственный социальный университет (филиал) в г. Красноярске

sedel-valery@yandex.ru; mike.sedelnikov@yandex.ru

К 100-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г. В РОССИИ: ПРИЧИНЫ ПАДЕНИЯ ЦАРСКОГО РЕЖИМА

Россия слиняла за два дня, много за три: начальство ушло.

В. В. Розанов

Революция всегда говорит о том, что власть имущие не исполнили своего назначения.

Н. А. Бердяев

С началом XXI века в обществе стала ощущаться неизбежность 100-летнего юбилея революции 1917 г. В России – события, которое во многом определило судьбу всего последующего мирового развития. Несмотря на солидность юбилейной даты, этот «роковой» год оставляет для исследователя еще немало количество загадок. Одна из них – проблема неожиданно быстрого, всего за четыре дня – с 23 по 27 февраля 1917 г. – крушения романовской монархии, ставшего прологом обрушения российской государственности. На первый взгляд, причины февральского переворота лежат на поверхности: «экономический и политический кризис... в связи с военными поражениями и хозяйственной разрухой» [1, т. 18, с. 402], недовольство масс, «доведенных до отчаяния лишениями войны и явной несправедливостью в распределении жизненных тягот» [5, с. 75].

Приведенные высказывания (которые можно продолжить) носят достаточно общий характер и не дают ответа на главную часть вопроса: почему *меньше недели* потребовалось на то, чтобы «слиняло» Российское государство, складывавшееся столетиями? Для сравнения: в XVII в. царская власть вышла победителем в двухлетней гражданской войне – крестьянская война под предводительством Степана Разина 1670-1671 гг.; в XVIII в. царизм одержал победу в 20-летней войне со Швецией и в еще более страшной гражданской войне 1773-1775 гг.; в XIX в. Россия смогла победить самого сильного на тот момент врага в мире – наполеоновскую Францию. Даже тяжелая и неудачная Крымская война 1853-1855 гг. не поколебала устои династии Романовых. В начале XX в. революционеры, используя поражение страны в войне с Японией, в течение почти *трех лет* не на жизнь, а на смерть вели борьбу с царизмом, но добились лишь укрепления российской государственности.

23 февраля 1917 г. в Петрограде развернулась мирная демонстрация рабочих, посвященная празднованию Международного женского дня, а уже 27 февраля 1917 г. царское правительство было свергнуто революционными рабочими и солдатами Петроградского гарнизона. Парадокс данной ситуации наиболее отчетливо, на наш взгляд, выразил современник и непосредственный участник февральских событий 1917 г., к тому же серьезный историк-исследователь – П. Н. Милуков. В своих воспоминаниях, уже по прошествии четверти века, он характеризует февральский переворот 1917 г. как «нечто неопределенное и бесформенное, что... получило... название начала великой русской революции» [9, с. 242].

В настоящее время раскрыть феномен февральских событий 1917 г. попытался В. Г. Сироткин в монографии с многозначительным названием «Почему “слиняла” Россия?». В ней автор исследовал все возможные факторы, подтолкнувшие Россию к трагической развязке февраля 1917 г. – от «природной аномалии» до «происков» авантюристов типа Григория Распутина. Однако, несмотря на широту поиска, выводы исследователя неоригинальны: «императорская Россия *слиняла* в 1915-1917 гг., опрометчиво брошенная Николаем II в Первую мировую войну, к которой она не была готова прежде всего военно-технически» [18, с. 468]. В целом, можно согласиться с мнением Г. А. Будник, которая отметила, что «требуется изучение и выявление... причин и особенностей революции (1917 г. – В. С., М. С.), в частности... мотивов и поступков людей, психологии масс в условиях кризиса политических структур» [3, с. 43].

В настоящей статье предлагается концепция решения «загадки» февраля 1917 г. с привлечением новых данных на основе исследования социальных процессов, обусловленных трансформацией экономической (денежно-финансовой) системы России в 1914-1917 гг.

В начале XX в. в России, наряду с другими ведущими мировыми державами, действовала система золотого стандарта – кредитные билеты свободно разменивались на золотую монету по номиналу, то есть в соотношении 1:1. В 1904 г. количество золота в обращении почти в полтора раза превышало сумму кредитных билетов (909 млн рублей золотом и 630 млн рублей кредитными билетами соответственно). И хотя русско-японская война и начавшаяся вслед за ней революция нанесли ощутимый удар по системе золотого стандарта (в 1906 г. золотое покрытие кредитных билетов снизилось до 72%), она выстояла: уже в 1910 г. количество золота в обращении почти на 10% превышало сумму кредитных билетов, бюджетный профицит составлял 225 млн рублей [8, с. 64-67; 13].

Очевидно, эта тенденция могла продолжиться и дальше, но на горизонте маячила новая война. В денежно-финансовом отношении наша страна вступила в нее, как минимум, полутора годами раньше. Так, в 1913 г. на военные нужды была израсходована астрономическая сумма – 816,5 млн рублей, что составляло 26,6% всей расходной части бюджета [6, с. 767]. При этом бюджетный дефицит достиг 48 млн рублей, что потребовало дополнительной эмиссии кредитных билетов, в результате чего их количество на 2,8% превысило сумму золотого обеспечения [19, столб. 136-139]. Такого покрытия было достаточно для сохранения золотого стандарта, но тенденция говорила о неустойчивости равновесия между кредитным рублем и золотым запасом накануне войны. Темпы военных приготовлений сохранились и в 1914 г., хотя этого оказалось явно недостаточно. К началу войны (19 июля 1914 г. по старому стилю) не хватало 870 тысяч винтовок; артиллерийское оснащение русского армейского корпуса отставало почти на 70% от немецкого; количество артиллерийских снарядов в российской армии было в 10-12 раз меньше необходимого.

Правительство, общественность делали все, чтобы исправить ситуацию: к концу 1915 г. экономика страны практически была переведена на военные рельсы. В 1916 г. из 4500 основных предприятий 3800 (84%) работали на нужды войны. Остальные выполняли военные заказы: текстильные фабрики, мукомольные предприятия, сахарные заводы выпускали ручные гранаты, минометы, полевые кухни, детали снарядов и многое другое. Российская промышленность освоила производство самолетов, автомобилей, телефонных аппаратов, радиопередатчиков, химических снарядов. Отечественными конструкторами были изобретены двухмоторный самолет-бомбардировщик, самозарядная винтовка, пистолет-пулемет, лыжно-гусеничная машина, танк оригинальной конструкции. Таким образом, военное отставание осталось в прошлом: по сравнению с началом войны к середине 1916 г. производство винтовок увеличилось в 10 раз, снарядов – в 170 раз. К сожалению, вышеприведенная тенденция во многом сводилась на нет встречным процессом дезорганизации армии. Тем не менее, изготовленного вооружения хватало, чтобы в дальнейшем белой и красной армиям воевать в течение трех лет.

За перечисленные достижения Россия заплатила высокую цену: во всех странах производство военной продукции финансируется за счет средств госбюджета, самый простой источник пополнения которого – денежная эмиссия. Предвидя это, российское правительство уже 27 июля 1914 г. отменило золотой стандарт и увеличило лимит эмиссии кредитных билетов с 0,3 млрд рублей до 1,5 млрд рублей. Однако эта сумма оказалась явно недостаточной, так как на покрытие бюджетного дефицита, вызванного военными расходами, уже в 1914 г. потребовалось 2,8 млрд рублей, в 1915 г. – 8,5 млрд рублей, а в 1916 г. – 13,7 млрд рублей. В этих условиях печатный станок значительно ускорил обороты, и количество кредитных билетов в обращении увеличилось с 1,6 млрд рублей в 1914 г. до 2,9 млрд рублей в 1915 г. и до 5,6 млрд рублей в 1916 г. Понимая опасность гиперинфляции, российское правительство до последнего сохраняло лимит на выпуск кредитных билетов: 22 декабря 1916 г. решением Совета Министров его «потолок» был установлен в размере 6,5 млрд рублей. С той же целью проводились повышение прямых и косвенных налогов, увеличение пошлин, наращивание заимствований. С 1914 по 1917 г. российская казна получила примерно 15 млрд рублей в виде внутренних и внешних займов [8, с. 73-74].

Однако результаты этих мероприятий во многом сводились на нет рядом других обстоятельств, прежде всего сокращением доходов от внешней торговли. Долгое время главным торговым партнером России была Германия, экономики двух государств в определенной степени дополняли друг друга. Теперь же Германия превратилась в противника, а Франция, Англия и другие европейские страны были отделены от России линией фронта. С целью мобилизации материальных ресурсов был запрещен вывоз из страны многих товаров традиционного российского экспорта. Среди них: зерно, кожи, меха, лес, нефть, уголь, цемент, молочные продукты и многое другое [2, с. 100]. Тяжелым грузом легли на бюджет бесплатные военные перевозки, а также принятый в июне 1914 г. запрет продажи алкогольных напитков. «Сухой закон» фактически отменял систему государственной винной монополии, которая в течение двадцати лет приносила в российский бюджет более четверти от всех его доходов. Итогом объективных обстоятельств, позитивных усилий и просчетов правительства явился дальнейший рост бюджетного дефицита, который к началу 1917 г. увеличился до 22,5 млрд рублей. Покрытие его (хотя бы частичное) возможно было лишь посредством наращивания денежной массы, достигшей к этому времени 9,1 млрд рублей [8, с. 73-74].

Самое опасное, что выпуск в обращение все новых кредитных билетов шел параллельно с уменьшением товарной массы. Главная причина заключалась в переходе экономики на военные рельсы. Вместо товаров народного потребления теперь производились винтовки, снаряды, пулеметы, танки, броневики, полевые кухни, обмундирование. Плюс к этому из продажи исчезли многие импортные товары и спиртные напитки.

Общеизвестно, что условием стабильности денежного обращения является примерное равновесие между денежной и товарной массами. С 1914 г. его «размывание» шло с двух встречных направлений – количество денег росло при одновременном сокращении товаров. Последствия этого вполне предсказуемы –

нарастающая инфляция, обесценивание денег. Как следствие – к началу 1917 г. покупательная способность российского кредитного рубля упала в четыре раза, то есть стала равна примерно 25 довоенным (золотым) копейкам (для сравнения – российские ассигнации обесценивались до четырехкратного уровня 32 года – 1780-1812 гг.) [Там же, с. 23, 27].

Естественным следствием обесценивания денег является рост товарных цен. Однако в отношении конкретных товаров эта закономерность действует достаточно избирательно. В сознании потребителя они распределяются как бы на две категории: товары первой необходимости (продовольствие, одежда, инвентарь) и товары так называемого «отложенного спроса» (предметы роскоши, драгоценности). Для иллюстрации приведем свидетельство очевидца, в будущем доктора сельскохозяйственных наук Н. В. Орловского: «...коса, стоявшая ранее (до начала Первой мировой войны – В. С., М. С.) 1 рубль 80 копеек, продавалась весной 1917 г. за 10-15 рублей. Воз пырейного сена стоил 90 рублей вместо прежних 15» [11, с. 127]. То есть цены на вышеприведенные товары, обгоняя падение рубля, увеличились в 6-7 раз. Еще в большей степени это относится к продовольствию (подтверждением может служить то, что даже в мирное время страны с самой «либеральной» экономикой не рискуют оставить сельскохозяйственное производство на «произвол» рынка). В конкретных реалиях Первой мировой войны на продовольственные цены должно было повлиять еще и сокращение предложения хлеба, вызванное военной разрухой в сельском хозяйстве, а также использование зерна для производства самогона («сухой закон» прекратил действовать лишь в 1923 г.).

Ситуация с подорожанием хлеба могла вызвать самые серьезные последствия. 1 кг пшеничного хлеба накануне войны стоил примерно 0,15 руб.; городской рабочий получал в день в среднем 1 руб., то есть мог на свой дневной заработок купить примерно 6 кг хлеба. Если же цены на него вырастут в 4-5 раз, он сможет купить лишь чуть более 1 кг. Для семьи из 4-5 человек этого явно недостаточно. То есть в такой ситуации рабочий выжить не сможет, и вместо того чтобы ковать победу в тылу, пойдет бунтовать. Исходя из этого, российское правительство посчитало необходимым «заморозить» цены на хлеб, и его заготовки осенью 1915 г. проводились по «стабильным», то есть прошлогодним ценам. Однако деньги уже успели «подешеветь» на 60-70%, и крестьяне очень быстро поняли разницу между золотым и «падающим» рублем: они стремились «придержать» хлеб «до лучших времен», скормить скоту, перегнать на самогон – лишь бы избежать торговой сделки с государством «себе в убыток».

В результате осенью 1915 г. из 12,2 млн т готового к продаже хлеба удалось закупить лишь 5,6 млн т, то есть меньше половины [16, с. 178]. Еще более сложными оказались хлебозаготовки осенью 1916 г. Казалось, правительство должно было учесть предшествующий опыт и закупать хлеб у крестьян по рыночным ценам, то есть в соответствии с реальной покупательной стоимостью рубля. Однако оно продолжало придерживаться ранее выбранной линии – во что бы то ни стало получить у крестьян «дешевый» хлеб. Для преодоления их «саботажа» предполагалось принять меры – от привлечения к сельхозработам военнопленных (лишь в ходе знаменитого «брусиловского прорыва» летом 1916 г. было взято в плен свыше 400 тыс. вражеских солдат и офицеров) до принудительного изъятия хлеба у крестьян силами воинских частей, отправляемых на фронт после отдыха и переформирования в тылу. Свое окончательное выражение продовольственная политика правительства нашла в распоряжении вновь назначенного управляющего министерством земледелия А. А. Риттиха, подписанном 29 ноября 1916 г., «О разверстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной».

Политика эта была весьма опрометчивой. Аграрный вопрос в России решен не был: почти как во времена Е. Пугачева, крестьянство страдало от бесправия и малоземелья, подвергалось эксплуатации со стороны помещиков и государства. Отмена крепостного права в 1861 г. и последующие реформы обеспечили крестьянам личную свободу, но отнюдь не решили вопрос справедливого распределения земли. В европейской части России среднее крестьянское хозяйство занимало 10-12 десятин земли – примерно в 200 раз меньше, чем среднее помещичье имение [20, с. 9]. Что касается крупных помещиков, то, например, князь Ф. Ф. Юсупов имел в собственности 37 имений, которые, по его словам, были «рассеяны по всей России, а иные столь далеко, что доехать до них нам не удавалось никогда. Одно из имений, на Кавказе, у Каспийского моря, простиралось на двести верст» [23, с. 55]. Юсупову принадлежали семь дворцов в обеих столицах, угольные и железорудные шахты, нефтяные промыслы, маслобойные заводы, мельницы; стоимость его состояния оценивалась примерно в 350-500 млн долларов США, то есть 20-29 млрд долларов США по сегодняшнему курсу [10, с. 319]. Как мог на этом фоне чувствовать себя крестьянин, который, по словам В. И. Ленина, «был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой» [7, т. 4, с. 431]?

С началом войны крестьяне должны были на нужды армии отдать лошадей, принять на себя ужесточение военно-налоговой политики. Около половины трудоспособных крестьян были мобилизованы на фронт, где они «гнили» в окопах, кормили вшей, тонули, замерзали, гибли от огня противника и болезней. И когда, в дополнение к этому, российское правительство попыталось, фактически силой, отбирать у крестьян хлеб, их чаша терпения переполнилась. К началу 1917 г. российское крестьянство превратилось как бы в огромную снежную лавину, готовую прийти в движение от любого толчка и похоронить существующий режим. Когда в феврале-марте 1917 г. одетые в серые шинели и матросские бушлаты крестьяне выступили против правительства с оружием в руках, можно удивляться лишь тому, что они не сделали этого раньше.

Теперь несколько слов о том, ради чего были принесены в жертву интересы российского крестьянства. Сохранение в условиях инфляции «стабильных» цен на хлеб привело к сокращению объема хлебозаготовок. Следствием этого стала хроническая недостача продовольствия: в 1916 г. его уже не хватало для снабжения

армии, к началу 1917 г. в Петрограде и Москве хлебных запасов осталось лишь на несколько дней, то есть обе российские столицы стояли на грани голода. Реализацию хлеба в условиях его нехватки и по ценам ниже рыночных правительство вынуждено было организовать в форме нормированного распределения, то есть посредством талонов и карточек. Это узаконило дефицит и способствовало спекуляции. С осени 1916 г. Петроград заполнили очереди, в которые его жители (преимущественно женщины, подростки) становились с вечера, чтобы на следующий день получить свою норму хлеба. Эти бесконечные («злые», по определению очевидцев) очереди являлись питательной средой для революционной агитации, забастовок, митингов, демонстраций, антиправительственных выступлений, которые для российской столицы в 1916 г. превратились в «постоянную составляющую» [14, с. 235]. Таким образом, благие намерения правительства «заморозить» инфляцию, обеспечить рабочих «дешевым» хлебом, чтобы гарантировать спокойствие в тылу воюющей армии, привели к прямо противоположному результату.

Очередная волна рабочих выступлений накрыла столицу России в начале 1917 г.: 9 января состоялись стачки в память жертв «Кровавого воскресенья», 14 февраля прошли забастовки и демонстрации по случаю открытия сессии Государственной думы (основные лозунги – «Хлеба!», «Долой войну!», «Ответственное министерство!»). Эти действия правящая верхушка воспринимала как привычное, неизбежное, но преходящее зло. Реальных шансов свергнуть или даже серьезно поколебать царскую власть у рабочих не было. Что могли сделать безоружные забастовщики против законной власти, в распоряжении которой находился огромный карательный аппарат (полиция, жандармерия) и 5,5-миллионная армия? Это понимали и идейные вдохновители рабочего движения. Вождь партии большевиков В. И. Ленин, выступая 9 января 1917 г. по поводу годовщины начала первой русской революции, с горечью отмечал: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции» [7, т. 30, с. 328]. Как видно, не только правительство, но и революционеры не придавали достаточного значения такому фактору как настроения крестьянства.

События, которые привели в движение «крестьянскую лавину», начались 23 февраля 1917 г. В этот день (8 марта по европейскому стилю) петроградские рабочие, среди которых по объективным причинам было много женщин, стачками и демонстрациями отмечали Международный день работниц. Правительство на эти «праздничные мероприятия», в которых приняли участие около 128 тыс. человек (примерно треть от общего количества рабочих г. Петрограда), реагировало довольно вяло. Одна из причин этого заключалась в том, что руководители страны не видели реальной угрозы в безоружных рабочих выступлениях, к которым успели привыкнуть в течение 1916 г. Так, императрица Александра Федоровна отмечала в своем дневнике 25 февраля 1917 г.: «Это хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, – просто для того, чтобы создать возбуждение – и рабочие мешают другим работать. Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам» [15, с. 212]. Другая причина – нежелание министров, военачальников брать ответственность за возможное повторение «Кровавого воскресенья» в отсутствие главы государства (21 февраля Николай II отбыл из Петрограда на фронт, в свою ставку в г. Могилеве). Они считали, что если не доводить ситуацию до крайности с применением оружия, рабочие рано или поздно разойдутся, о чем свидетельствовал предыдущий опыт [12, т. 1, с. 183-184]. На случай же экстремального развития событий у правительства имелись весьма серьезные аргументы – в распоряжении столичного градоначальника находились 3,5 тыс. полицейских, 2 казачьих полка и 4 сотни императорского конвоя. Кроме того, в Петрограде располагался 170-тысячный военный гарнизон, состоящий из хорошо вооруженных солдат-гвардейцев.

Вопреки надеждам царских министров, 24-25 февраля число демонстрантов и забастовщиков не уменьшилось, а увеличилось, и тактика выжидания себя не оправдала. Реально жесткие действия против демонстрантов правительство стало предпринимать после получения телеграммы, отправленной императором вечером 25 февраля 1917 г.: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай» [Там же, с. 190]. К этому времени забастовка петроградских рабочих практически стала всеобщей, и для выполнения воли императора сил столичной полиции было явно недостаточно. В ночь с 25 на 26 февраля командующий войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенант С. С. Хабалов отдал приказ начальникам частей Петроградского военного гарнизона в отношении демонстрантов и забастовщиков: «...действуйте по уставу, т.е. предупреждайте троекратным сигналом, а после троекратного сигнала – открывайте огонь» [Там же, с. 191-192].

Воскресный день 26 февраля 1917 г. мог войти в историю как второе «кровавое воскресенье» – в трех местах столицы солдаты Петроградского гарнизона стреляли по демонстрантам, в результате чего погибло несколько десятков рабочих. Однако продолжение аналогии получилось принципиально иным: вынужденное насилие 26 февраля стало толчком, который обрушил «крестьянскую лавину» – крестьяне-солдаты стали переходить на сторону демонстрантов и забастовщиков, повернули оружие против правительства. 27 февраля 1917 г. на сторону бастующих рабочих перешло 66700 солдат Петроградского гарнизона, что означало превращение всеобщей забастовки в вооруженное восстание. К концу этого же дня царское правительство самоликвидировалось (фактически разбежалось), «поставив точку» в существовании Российской империи. Император Николай II и его окружение поначалу расценили переход Петроградского гарнизона на сторону протестующих рабочих как локальный бунт. «Мы еще воображали, что вооруженные силы и крестьяне придут к нам на помощь – и как много из нас заплатали жизнями за этот грубый просчет», – отмечала впоследствии сестра Николая II – великая княжна Ольга Александровна [4, с. 298]. Несколько наивных рассуждения по поводу поведения российской армии в судьбоносные февральские дни можно встретить и у современных исследователей. Так, известный американский историк и философ Р. Пайпс пишет: «...понять случившееся

(переход Петроградского гарнизона на сторону рабочих – В. С. М. С.) невозможно, не приняв во внимание состав и условия содержания Петроградского гарнизона... Резервисты, набранные из народного ополчения, чувствовали себя обиженными судьбой. Здесь, в Петрограде, они подвергались обычным для русских солдат унижениям: офицеры к ним обращались на «ты» и им запрещалось ездить внутри вагонов городского транспорта» [13]. Еще один американский историк – Р. Мэсси – отмечает, что солдаты Петроградского гарнизона – это «худшая часть призывников, от которой отказывались генералы на фронте, они были оставлены в столице с надеждой, что близость к дому удержит их от волнений» [10, с. 344]. Не оспаривая правильности и аргументированности подобных высказываний, отметим, что дело было не в качественном составе и условиях содержания Петроградского гарнизона, а в том, что он являлся составной частью русской армии. По причинам, изложенным выше, против царского режима выступила *вся* армия – вооруженный авангард многомиллионного российского крестьянства. Доказательством этому утверждению служит то, что предпринятые попытки найти в огромной российской армии *хотя бы одну военную единицу*, годную для подавления вооруженного восстания в столице, потерпели провал [21, с. 686-687].

В 1984 г. известный историк Н. Я. Эйдельман в эссе, посвященном восстанию Емельяна Пугачева, высказал предположение: «...недолго бы продержалась крестьянская вольница, даже если бы скинула с престола Романовых... Лились бы потоки крови, возможно, были бы перебиты многие замечательные люди...» [22, с. 198]. Прозорливость автора по поводу «потоков крови» и самой возможности успеха крестьянской революции соседствует с некоторой «зашоренностью», обусловленной реалиями того времени. Сегодняшний уровень изучения проблемы позволяет утверждать, что в феврале 1917 г. крестьянам удалось именно то, что не получилось у сторонников Пугачева и их предшественников. На этот раз крестьянство в лице многомиллионной армии было вооружено, едино в своих целях, обладало боевым опытом, приобретенным в сражениях Первой мировой войны.

Приведенный выше материал позволяет сделать выводы, ответить на вопросы, поставленные в начале статьи.

1. Основной причиной революции 1917 г. является экономическая (денежно-финансовая) и социальная политика, проводимая царским правительством в период Первой мировой войны. Стремясь свести к минимуму последствия военной инфляции, правительство пыталось ограничить объем денежной эмиссии, «заморозить» цены на продовольствие, что привело к необходимости насильственного изъятия (реквизиций) хлеба у крестьян.

2. Последствия этого:

- крестьянство, несущее основные тяготы войны, получило дополнительный очень серьезный повод для недовольства правительством; составляя 88% населения страны, являясь ее основной военной силой, крестьянство стало занимать все более враждебную позицию в отношении правящего режима;

- «замораживание» цен на продовольствие привело к снижению объема хлебозаготовок, к перебоям в снабжении продовольствием армии и крупных городов; дефицит, карточное распределение, хлебные очереди обострили недовольство рабочих, которое стало выплескиваться в антиправительственные выступления;

- привлеченные для их подавления солдаты-крестьяне стали присоединяться к протестующим рабочим, обратили оружие против правительства;

- переход солдат на сторону рабочих показал, что основные слои населения и, как следствие, армия находятся в антиправительственном лагере; это означало, что каких-либо шансов на сохранение царской монархии не осталось, и объясняло скоротечность свержения царского режима на фоне прошлой незыблемости, то есть – почему Россия «слиняла» за четыре дня.

Рассмотренный материал позволяет ответить еще на один вопрос, неизбежно возникающий у читателя: была ли альтернатива такому развитию событий? Очевидно, была: правительство могло сохранить рыночные цены для хлебозаготовок и торговли хлебом, а с целью компенсации подорожания продовольствия предоставить рабочим (малоимущим слоям населения) соответствующие субсидии. Это, безусловно, увеличило бы денежную эмиссию и подхлестнуло инфляцию, но ее негативные последствия распределились бы на все слои общества, и причин для недовольства со стороны крестьянства (а значит, и армии) было бы значительно меньше. Подобный сценарий мог дать шанс царскому режиму на сохранение государственности, достойный выход из войны и дальнейшую трансформацию в соответствии с требованием времени.

Необходимое уточнение: последнее было возможно лишь при условии решения аграрного вопроса. Доказательством служит судьба Временного правительства, которое попыталось переложить решение этого судьбоносного вопроса на плечи будущего Учредительного собрания, и наоборот – Советского правительства, радикально решившего аграрный вопрос, сохранившего власть, несмотря на все чудовищные ошибки, допущенные в том числе в отношении крестьянства [17, с. 63-67].

Осмысление материала не может повлиять на ситуацию в прошлом, изменить ход российской истории. Но для своего будущего страна должна сделать выводы из анализа фактов грядущего юбилейного события – революции 1917 г. Прежде всего, они заключаются в том, какое значение имеет правильность выбора социально-экономической стратегии, насколько взрывоопасной и трагической по своим последствиям может быть политика консервации социального противостояния, игнорирования интересов широких слоев населения страны.

Список литературы

1. Большая универсальная энциклопедия: в 20-ти т. М.: АСТ; Астрель, 2010.
2. Борисов С. М. Рубль: золотой, червонный, советский, российский. Проблема конвертируемости. М.: ИНФРА, 1997. 288 с.
3. Будник Г. А. Новые подходы к изучению революции 1917 г. в России // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2008. Вып. 1. С. 40-44.

4. Калинин Н. Н., Земляниченко М. А. Романовы и Крым. Симферополь: Бизнес-Информ, 2010. 320 с.
5. Карр Э. История Советской России / пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. 769 с.
6. Коковцев В. Н. Из моего прошлого (1903-1919). Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2004. 896 с.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Госполитиздат, 1962-1982.
8. Малышев А. И., Таранков В. И., Смирный И. Н. Бумажные денежные знаки России и СССР. М.: Финансы и статистика, 1991. 496 с.
9. Милоков П. Н. Воспоминания (1859-1917): в 2-х т. М.: Современник, 1990. Т. 2. 448 с.
10. Мэсси Р. Николай и Александра: роман-биография / пер. с англ. М.: Интерпракс, 1990. 480 с.
11. Орловский Н. В. Страницы истории сельскохозяйственной науки XX века (воспоминания ученого). Красноярск: Красноярск. гос. аграр. ун-т, 2012. 496 с.
12. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: в 7-ми т. Л.: Государственное издательство, 1924-1927.
13. Пайпс Р. Русская революция [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/libr_min/16_p/ay/ps_21.htm (дата обращения: 18.01.2016).
14. Палеолог М. Царская Россия накануне революции / пер. с фр. М.: Международные отношения, 1991. 336 с.
15. Радзинский Э. С. Николай II: жизнь и смерть. М.: Вагриус, 1998. 512 с.
16. Русский рубль. Два века истории. XIX-XX вв. М.: Прогресс-Академия, 1994. 336 с.
17. Седельников В. Г. Социально-экономическая стратегия советской власти в 1918-1920 гг. (на примере денежно-финансовой политики) // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 3. С. 62-68.
18. Сироткин В. Г. Почему «слиняла» Россия? М.: Алгоритм, 2004. 480 с.
19. Советская историческая энциклопедия: в 16-ти т. М.: Советская энциклопедия, 1961-1976.
20. Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917-1969). М.: Политиздат, 1970. 510 с.
21. Спиридович А. И. Великая война и февральская революция. Минск: Харвест, 2004. 720 с.
22. Эйдельман Н. Я. Из потаенной истории России XVIII-XIX веков. М.: Высшая школа, 1993. 493 с.
23. Юсупов Ф. Ф. Мемуары / пер. с фр. М.: Захаров, 2004. 430 с.

COMMEMORATING THE 100TH ANNIVERSARY OF THE REVOLUTION OF 1917 IN RUSSIA: REASONS FOR THE DOWNFALL OF TSARIST REGIME

Sedel'nikov Valerii Georgievich, Ph. D. in History, Associate Professor
Sedel'nikov Mikhail Valer'evich, Ph. D. in Philosophy
Russian State Social University (Branch) in Krasnoyarsk
sedel-valery@yandex.ru; mike.sedelnikov@yandex.ru

With the approach of the 100th anniversary the events of the revolution of 1917 naturally continue to attract the attention of researchers. On February 23, 1917 the anti-government actions of workers began in Petrograd, and 4 days later, on February 27, 1917, the Romanovs' monarchy that had repelled all the blows for 300 years suddenly crashed down. The reason for this phenomenon is the defection to the side of the opponents of the tsarist regime of the peasantry in the person of its armed vanguard – the 5.5-million Russian army. This article is devoted to the explanation of the interrelation of the events, which became a prologue of the revolution of 1917.

Key words and phrases: downfall of tsarist regime; monetary-financial system; purchasing power of ruble; food policy; forced withdrawal of bread; anti-government actions of workers; “peasant avalanche”; Petrograd garrison; the Russian army.

УДК 7

Искусствоведение

П. П. Беньков (1872-1949) – известный живописец, первый профессиональный художник татарского театра. На основе архивных источников автор впервые реконструирует оформленные им спектакли, уточняет стилистические трактовки по аналогии с живописью. В статье раскрывается оригинальность творческого метода художника, рассматривается соотношение декорационного искусства с актером, драматургией, зрительским восприятием. Доказывается, что в татарском театре мастер воплотил традиции русской декорационной культуры с её проникновением в стили различных эпох и культур.

Ключевые слова и фразы: татарский театр; декорация; театральные эскизы; театально-декорационное искусство; монументальность; реализм.

Султанова Рауза Рифкатовна, к. искусствоведения

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан
rauzasultan.art@mail.ru

П. П. БЕНЬКОВ – ХУДОЖНИК ТЕАТРА (СВОЕОБРАЗИЕ ТВОРЧЕСКОГО МЕТОДА)

Театральное творчество художника Павла Петровича Бенькова (1872-1949) представляет научный интерес как своей исторической значительностью, так и художественной ценностью. П. П. Беньков – живописец, педагог, заслуженный деятель искусств Узбекской ССР (1939). Окончил Казанскую художественную школу (1901),